Автор: В.В. Кавельмахер
10.01.2010 22:10

Русь заимствовала колокола из Европы, где они вошли в употребление уже с VII в. Колокола известны в Византии с IX в. Первое упоминание о колоколах на Руси находится в III Новгородской летописи под 1066 г. [1]. Никакими ясными указаниями на приёмы размещения колоколов в домонгольский период мы не располагаем. Колокола могли размещаться под кровлею храма, в окнах или на паперти. Единственным способом звона в этот период для Европы, Византии и Руси было раскачивание колокола.

Существуют три способа заставить колокол звучать: встряхивая его или качая, ударяя по нему молотом или колотушкой и ударяя языком в край. За почти полуторатысячелетнюю историю колоколов и колокольного звона все три способа тем или иным образом закрепились в практике народов.

Древний способ – звон посредством раскачивания колокола при свободном положении языка. Этот вид звона бытует у народов Западной Европы вплоть до наших дней.

Второй прием звона – посредством удара молотом от механического привода – уже несколько столетий служит для производства часового боя в башенных часах всех стран и народов, в том числе у нас в России. Колотушкой ударяют по колоколу в Китае, Японии, Бирме и т.п.

Редко употребляется в мировой практике звон в колокол посредством раскачивания языка при неподвижном положении колокола. Этот вид звона получил распространение на Руси, особенно во второй половине XVII – начале XVIII в. В середине XIX в. исследователи колокольного звона отмечали особенное свойственное только этому способу ритмическое многообразие. Считалось, что этот вид звона в колокол существовал лишь на Руси [2].

Каждый из трех описанных способов требует для производства звона особых приспособлений, развески и расстановки колоколов, особой конструкции звонничных проёмов и даже определяет характер колоколенных сооружений. Естественно, подобно другим зданиям, архитектура колоколен несёт на себе печать господствующей стилистики, на её формы воздействует архитектура ансамбля, частью которого она является, строительный материал, технология и многое другое – вплоть до фантазии и художественного произвола её создателей.

Древняя Русь знала все три указанных способа звона, причем на протяжении длительного времени применяла их одновременно, нередко в одних и тех же сооружениях, часто в весьма причудливых сочетаниях. Доминирующим и, по-видимому, изначальным способом звона был звон посредством раскачивания колокола при свободном положении языка. Этот способ был заимствован нами из Европы вместе с колоколами, колокольнями и колокололитейным искусством [3].

На протяжении столетий в приёмах русского звона происходили изменения. С известной долей условности можно выделить три основных периода в истории древнерусского колокольного звона. Первый, от которого не осталось ни материальных памятников, ни сколько-нибудь внятных упоминаний, охватывает время от появления на Руси колоколов до начала XIV в. Второй период – время образования Московского государства, от начала XIV до первой трети – середины XVII в. Именно эта пора характеризуется одновременным употреблением всех трёх вышеперечисленных способов звона. Последний период: с середины XVII в. – когда исчезает многообразие способов звона и постепенно звон «в языки» становится единственным. Тогда, если верить историческим свидетельствам, расцветает национальное русское искусство звонить в колокола.

Качающиеся колокола в древней Руси назывались «очапными» или «очепными», также «колоколами с очапом», или «колоколами с очепом» – по специальному шесту «очепу», «оцепу», «очапу» [4], который приделывался к вращающемуся валу с насаженным на нём колоколом. Иногда такие колокола назывались еще «валовыми» [5]. Качающиеся колокола выполняли основную фигуру церковного звона – благовест. Они входили в состав каждого древнерусского собрания колоколов, так называемого «звона», были самыми большими на колокольне и звучали в максимально низких регистрах. В церковных описях они назывались «благовестниками» или «большими». Кроме больших благовестных колоколов, на древнерусских колокольнях были колокола средних регистров – по древней терминологии, «средние». За приятность звука их ещё называли «красными». Третий разряд древнерусских колоколов составляли «малые» или «зазвонные». Эти колокола висели неподвижно, и в них звонили за веревку, ударяя языком в край; они назывались «язычными».

Помимо Пскова и Псковской области, где, как известно, очепные колокола сохранились в натуре от XVI–XVII вв., следы очепных конструкций в виде разного вида гнёзд для качающихся колоколов были обнаружены нами на звоннице (XVII в.) Софийского собора в Новгороде, на колокольнях (XVI в.) больших северных монастырей: Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Спасо-Каменного, Корнилиев-Комельского (судим по фотографии, поскольку здание не сохранилось), на подколоколенной церкви

Богоявленского собора Авраамиева монастыря в Ростове Великом, на столпообразных церквах «под колоколы» в Покровском и Спасо-Евфимьевском монастырях в Суздале, на колокольне Николо-Пешношского монастыря, на Духовской церкви «под колоколы» (1476 г.) Троице-Сергиева монастыря, на колокольне церкви Вознесения в Коломенском («Георгиевская колокольня»), на звонницах годуновского времени в селах – Вяземах под Москвой и Красном под Костромой, на старой звоннице Ипатьевского монастыря в Костроме, на новой звоннице (XVII в.) того же монастыря (на ней стоял колокол весом в 600 пудов), на соборной колокольне города Суздаля (начало XVII в.), на звоннице (1530-е годы), Пятницкой башни Коломенского кремля (здесь стоял всполошный колокол) и др.

Из всех обследованных нами древних звонниц и колоколен только небольшая звонница церкви Иоанна Предтечи (середина XVI в.) в селе Дьякове возле Коломенского и огромная столпообразная шатровая колокольня Александровой Слободы («Распятская колокольня», перестроена в конце XVI в.) не имеют видимых следов очепных приспособлений [6]. В Москве очепные конструкции сохранились в натуре только на колокольне Ивана Великого. Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря остается также древнейшей колокольней «псковского дела». Все дошедшие до нас многочисленные псковские звонницы построены не раньше XVI в.

Очепные конструкции были обнаружены нами и на нескольких более поздних памятниках: в Вологде, на колокольне церкви Константина и Елены, сооруженной в 90-х годах XVII в., на колокольне Пятницкой церкви на Подоле под стенами Троице-Сергиева монастыря, построенной в те же годы, и на колокольне Спасо-Прилуцкого монастыря, возведенной в 40-х годах XVIII в. По-видимому, очепные колокола стояли на существовавших здесь ранее церквах и после перестройки их были перенесены на новые колокольни. На поздней колокольне (XVIII в.) Спасо-Прилуцкого монастыря очепные колокола были поставлены, но в движение уже не приводились. С аналогичным случаем мы столкнулись, обследуя церковь Ильи Пророка в Ярославле.

Данные натурных исследований находят себе подтверждение в таком важном источнике наших знаний о Древней Руси, как миниатюры Лицевого летописного свода середины XVI в. На многочисленных его листах изображены, к сожалению в большинстве случаях условно, древнерусские города и монастыри с существовавшими в них в разное время колоколами и колокольнями. Изображения очепных колоколов на этих миниатюрах встречаются в изобилии [7]. В зависимости от того, что являлось главным предметом иллюстрации – сам колокол или историческое событие, – одни и те же колокола изображались с очепом или без очепа.

Совершенно исключительное для нашей темы значение имеют миниатюры, посвящённые непосредственно знаменитым государственным и вечевым колоколам. Здесь они представлены уже со всеми историческими и техническими подробностями, – изображается литьё колоколов, первый торжественный звон, случаи падения колоколов с колоколен, звоны, послужившие началом народных волнений, всполошные звоны, «плачевный звон», оповещающий о смерти государя и т.д. На этих миниатюрах благовестные колокола, в том числе огромные московские колокола – отлитый в 1533 г. 1000-пудовый колокол Василия III и сменивший его в 1551 г. колокол «Лебедь» Ивана Грозного в 2200 пудов – изображены очепными [8].

Изображения очепных колоколов встречаются также на миниатюрах лицевых рукописей агиографического жанра и на иконах. Например, в «Житии Антония Сийского» XVII в. [9] имеется условное изображение Московского Кремля со столпообразной колокольней и огромным очепным колоколом в её нижнем ярусе. На конце шеста миниатюрист изобразил целый пучок очепных верёвок.

О повсеместном распространении очепных колоколов на Руси согласно свидетельствуют такие источники, как монастырские описи и писцовые книги за XVI–XVII вв. Очепные колокола фигурируют в описных книгах Троице-Сергиева [10], Иосифо-Волоколамского [11], Покровско-Суздальского [12], Спасо-Прилуцкого [13], Павло-Обнорского [14], Соловецкого [15], Успенского-Свияжского [16], Ипатьевского [17], Махрищского [18], Кирилло-Белозерского [19], Спасо-Евфимьевского суздальского [20], Псково-Печерского [21], Антоньев-Сийского [22], костромского Богоявленского [23] и других монастырей. Очепной колокол висел в 60-х годах XVI в. перед Благовещенским собором в Казани [24]. Очепными были благовестные колокола сольвычегодского Благовещенского собора [25]. Очепными были все восемь колоколов нижнего «валового» яруса колокольни Ивана Великого в Московском Кремле.

Упоминание об очепных колоколах можно встретить в древних актах и хозяйственных документах. Очепной колокол упомянут в духовной Феодосия Тотемского [26], а «железо на очепь» – в расходных книгах Болдина монастыря под Дорогобужем [27].

В 1600 г. Борис Годунов слил для Успенского собора Московского кремля новый благовестник в 3233 пуда. Об этом последнем имеются многочисленные свидетельства иностранцев, посещавших Московское государство в первой половине XVII в. Этот крупнейший не только на Руси, но и во всем тогдашнем христианском мире колокол висел, как и его предшественник «Лебедь», посреди Соборной площади на деревянном срубе, под пятишатровой кровлей. В движение его приводили, по одной версии, – 30, по

другой – 50 человек. После возвращения из польского плена патриарха Филарета Никитича для этого главного государственного колокола за алтарями Успенского собора рядом с церковью Рождества Христова была построена высокая шатровая каменная башня, вошедшая в историю под названием Филаретовой пристройки [28].

Как свидетельствуют Адам Олеарий [29] и Павел Алеппский [30], способ звона в годуновский колокол остался прежним: две толпы звонарей, стоя по обе стороны Филаретовой колокольницы на Соборной и Ивановской площадях, приводили колокол в движение, а третья группа – наверху колокольни – подводила к краю колокола его язык.

Описания этого приёма звона в самый большой колокол Древней Руси не вызывают сомнения в том, что и в тех случаях, когда до нас не дошло никаких известий об устройстве звона на той или иной древней колокольне, мы вправе предполагать наличие именно очепной конструкции.

Звоноприёмники на Руси в XV, XV вв. для качающихся колоколов обладали тождественным устройством. Очепные колокола устанавливались в пролётах или нишах, причём пролёты по ширине (а ниши, кроме того, – по высоте и глубине) выкладывались, по возможности, в размер колокола с учётом его размаха. В тех случаях, когда колокола помещались в ниши (нам известно семь памятников с подобным устройством звонов), задняя или боковые стенки ниши, а иногда и свод над нею, прорезывались специальными каналами-слухами, чтобы звук не глох при звоне.

Предназначенный к благовесту колокол скреплялся с железным стержнем квадратного сечения – «матицей». Для пропуска матицы наверху у колокола существует «маточник» – большая петля с прорезью, по сторонам которой располагаются дополнительные петли – «уши колокола». Матица продевалась в петлю и в ней заклинивалась. И петли, и матица, и верхушки ушей заделывались для жесткости в дубовую колоду веретенообразной формы («вал»), собранный из клиньев и окованный обручами. На вал накидывались продетые сквозь уши железные петли. Выходящие на обе стороны из вала концы матицы выковывались круглыми. Эти концы вкладывались в железные «гнёзда», предварительно заложенные каменщиками в столпы звона. Опасаясь прогиба матицы, мастера стремились делать её максимально короткой – чуть больше диаметра колокола, с тем чтобы можно было завести концы вала в кладку. Колокол, намертво скрепленный с валом, поднимался на колокольницу и ставился в гнезде. Так и говорили: «поставить колокол».

К валу снизу приделывался очеп – длинный или короткий шест с верёвкой на конце. У тяжелого колокола веревка оканчивалась стременем, куда звонарь ставил ногу, помогая себе при звоне. Если для приведения колокола в движение требовались усилия нескольких человек, к основной веревке или канату привязывались дополнительные веревки со своими стременами, и к каждой становилось по звонарю. Для гигантских колоколов, стоявших, подобно годуновскому «Царю-колоколу», в открытых пролётах, очепы делались на обе стороны пролёта, и вся система напоминала коромысло. В отдельных случаях, нам кажется, могло быть и по четыре скрепленных между собою очепа.

Необходимость во втором очепе возникает еще и потому, что при длинном и тяжелом шесте колокол в неподвижном положении устанавливается с наклоном и при раскачивании не сразу начинает звонить. В Псково-Печерском монастыре звонари для выпрямления очепа применяют в качестве противовеса второй очеп – без веревки. Для той же цели иногда употреблялся противовес в виде ящика с камнями. О каких-то клетях с камнями вокруг Филаретовой звонницы с качающимся «Царем-колоколом» пишет Павел Алеппский. Для утверждения гнёзд в кладке пользовались несколькими конструктивными приёмами. Псковские мастера заделывали гнёзда заподлицо со столбами, под гнёзда они клали деревянные прокладки, а для заведения валов оставляли в пилонах звонов специальные пазы.

Мастера Ростова Великого, напротив, выкладывали в столбах обращенные друг к другу короткие лопатки-импосты, своего рода «анты». Гнёзда укладывались на обрезы этих «антов». Если гнёзда делались из полосового железа, их клали на деревянные прокладки, если из брускового – прямо на кирпич. Из-за обращенных внутрь звона «антов», арки звонов, построенных ростовскими мастерами, всегда значительно шире самих звонов.

Иначе поступали работавшие на Руси мастера-итальянцы. Они закладывали в столбы белокаменные профилированные кронштейны. Однако, поскольку наш белый камень – материал непрочный, использовать эти кронштейны под колокольные гнезда мастера, видимо, не решались. В двух из трёх известных нам случаях при наличии в звонах белокаменных кронштейнов гнёзда устроены отдельно от них. Так, в Георгиевской колокольне в Коломенском они устроены прямо в стенах звона, в звонах Ивана Великого – на специальных железных рамных кронштейнах (описание этих звонов см. ниже). Существовали и другие приёмы устройства колоколенных гнёзд.

Звон в очепные колокола на Руси в ранний период производился с земли или со

специальных подмостей снаружи колоколен. Причем, с земли звонили, если колокола стояли на церковной стене или на колокольне; подмости – каменные или деревянные – устраивали только при звонницах.

На большинстве древнерусских колоколенных сооружений доступ к колоколам, как правило, отсутствует. Прежде всего он отсутствует на звонницах всех типов [31]. Нет его и на Духовской церкви Троице-Сергиева монастыря – древнейшей из сохранившихся церквей «под колоколы». На церквах «под колоколы», построенных ростовскими мастерами – в Кирилло-Белозерском, Ферапонтове, Спасо-Каменном и Авраамиево-Богоявленском монастырях, – доступ к колоколам как будто предусмотрен, но его никак нельзя считать, удобным. Звонарю в этих церквах необходимо было подниматься на церковный чердак, и уже с чердака через низкий и неудобный лаз (прорезь в задней стенке ниши) он мог при желании протиснуться в колокольный проём, почти полностью занятый колоколом.

Вполне удобный доступ к колоколам мы встречаем только в тех столпообразных колокольнях московской традиции, родоначальником которых был Иван Великий. Однако множество признаков указывает, что в сооружениях этого рода звон также производился с земли. Так, в основном ярусе «валовых» колоколов Ивана Великого два древних благовестника – «Медведь» и «Лебедь» – в силу своих размеров должны были полностью занимать отведенное им пространство [32]. Их языки почти касались пола, а края – пилонов. Привести эти колокола в движение, находясь внутри звона, невозможно ввиду их огромной тяжести. Невозможно и само присутствие там человека в момент качания: раскачавшийся колокол влетает в существующий проход.

Нельзя было находиться во время звона и в девятигранном столпе Спасо-Евфимьевского монастыря в Суздале. Во всех девяти звонах этого столпа стояли очепные колокола. Если обратить все очепы внутрь колокольни, а не наружу, как это было когда-то, вся площадка столпа окажется «закрещенной» качающимися шестами.

Современному читателю нелегко представить себе знаменитую колокольню Ивана Великого в момент звона, обвешанную со всех сторон канатами с обступившими их звонарями. Однако так оно в действительности и было. Об этом свидетельствует известный план Московского Кремля 1600 г. («Кремленоград»), где в ярусе больших валовых колоколов Ивана Великого изображены свисающие до земли веревки. Звон в благовестные колокола Ивана Великого изображен на миниатюрах Лицевого летописного свода [33]. На одной из этих миниатюр показан «плачевный звон» в большой колокол, утром 4 декабря 1533 г. известивший москвичей о смерти Василия III.

Этим «большим колоколом» был отлитый в 1532 г. Николаем Немчином вышеупомянутый «Лебедь». Он стоял в западном звоне Ивана Великого и приводился в движение с земли стременными звонарями.

Наружный способ звона в качающиеся колокола (а значит, в подавляющем большинстве случаев, и в язычные) составляет основное отличие древнерусского способа звона ют западноевропейского, где колокола приводят в движение изнутри колоколен. Указанную традицию следует связывать, прежде всего, с составом русского звона. В отличие от стран Западной Европы, передавших Руси свою технику звона (например, Италии и Германии, где интерес к собирательству колоколов определенно отсутствовал, но где очень рано стали строить высокие каменные колокольни для одного-двух колоколов), русские церкви издавна обладали целыми собраниями колоколов, различавшихся по тону и звуку и особым образом развешанных и расставленных.

Для Европы, с её развитой средневековой строительной техникой и огромными соборами, не составляло труда устраивать помещение для одного-двух и даже трёх колоколов внутри церковных башен (достаточно было колокол вместе с очепом поставить на верхней площадке башни очепом внутрь, а верёвки бросить в пустой колодец, чем часто являются верхние ярусы европейских колоколен). Однако, на Руси, где в самой скромной сельской церкви было не меньше трёх колоколов, а в монастырях, по нашим подсчетам, от пяти до девяти только очепных (благовестников в средних), собрать их все под одну крышу было уже затруднительно – как из-за малой вместительности колоколен, не позволяющих обратить очепы внутрь, так и из-за тяжести колоколов, для раскачивания которых могли потребоваться не один, а два-три звонаря на колокол, не считая звонарей для звона в языки малых зазвонных колоколов. Всё это изобилие колоколов требовалось развесить, а толпу звонарей расставить в каком-то порядке – так, чтобы многочисленные веревки не путались между собою, звонари не толкались и звон происходил координировано, согласно. Отсюда следует, что при создании собственных колоколен русским зодчим приходилось решать в значительной степени иные проблемы, чем зодчим западноевропейским, – не столько «собирать», сколько рассредоточивать звонарей и звоны.

Не последнюю роль в закреплении на Руси наружных приемов звона сыграли и медленные темпы каменного строительства в послемонгольский период, – прежде чем началось строительство колоколенных сооружений (т.е. колоколен в собственном смысле слова, а не звонниц), наружный вид звона стал традицией.

Прежде чем обрисовать основные типы древнерусских колоколен, остановимся на

местоположении последних в церковном ансамбле. Обычно с древнейших времен на Руси колокольни ставились либо за алтарями церквей, либо в виду алтарей, но непременно на восток от храма. Обычай этот был вызван следующими причинами. В православном богослужении отдельные части службы принято сопровождать разными видами звона, причём в ряде случаев это требование носит жёсткий характер. Например, колокольным звоном на утренней службе сопровождается возжигание перед чтением Евангелия всех находящихся в церкви свечей. С началом чтения звон прекращается. После того как закончена глава Евангелия, должен последовать удар в колокол. Во время литургии в момент совершения самой важной её части так же должен производиться звон в одинокий колокол, причем синхронно со словами молитвы. На праздник Воздвижения креста при выносе креста на «средину церкви минута в минуту должен начаться трезвон во все колокола и т.д.

Для связи между звонарями и идущей в храме службой снаружи алтарной стены возле алтарного окна или даже в самом окне вешался небольшой сигнальный колокол, «ясак». В нужный момент пономарь дергал за верёвку, и по этому сигналу на колокольне начинался или прекращался условленный звон. О ясачных колоколах и о сигнальной службе при русских церквах имеются многочисленные упоминания в источниках, в том числе летописные. Известен эпизод из времени первых Романовых, когда звонари на Иване Великом ошиблись и зазвонили не вовремя. Патриарх Филарет Никитич приказал бить звонарных старост батогами, а впредь велел «звонить по ясаку или по слову ключаря» [34]. Систему сигнализации при Большом Успенском соборе подробно описал Павел Алеппский [35].

Чем архаичнее изучаемый церковный ансамбль, тем больше вероятность, что его колокольня (даже в том случае, если она перестроена) окажется за алтарями. За алтарями городских соборных церквей находятся комплекс Ивановских колоколен Московского Кремля, колокольни Ростова Великого, Новгорода, Великого Устюга, Киева, Гдова (не сохранилась), собора Василия Блаженного (Покровского собора на Рву) в Москве. В виду алтарей – главным образом из-за сложных условий местности – стоит колокольня Троицкого собора во Пскове.

В большинстве древнерусских монастырских и приходских церковных ансамблей конца XVI – начала XVII в. колокольни ставились между летней и зимней церквами так, чтобы они одинаково хорошо были видны из обоих алтарей (например, в Соловецком монастыре и в Крыпецком монастыре под Псковом). Однако в древнейшем Троице-Сергиевом монастыре, где до начала XVII в. не было тёплой трапезной церкви, обе колокольни – ныне существующая Духовская церковь «под колоколы» и примыкавшая к ней до 30-х годов XVIII в. многопролетная звонница с большими колоколами – поставлены строго за алтарями основной церкви. Точно так же, очевидно,

на своих старых местах стоят нынешние колокольни Новодевичьего и Киржацкого монастырей.

В древнерусских монастырях существовал также обычай совмещать колокольни с теплыми трапезными церквами. Обычай этот связан с тем, что летние монастырские церкви большую часть долгой русской зимы стояли запертыми (их открывали только в большие и престольные праздники), а обязательные в монастырях вседневные службы совершались в теплых церквах при трапезных. Трапезные церкви «под колоколы» имеются в Спасо-Каменном, Ферапонтове и Ивановском монастыре в Кириллове. За алтарями трапезных церквей поставлены церкви «под колоколы» Кирилло-Белозерского и суздальского Спасо-Евфимьевского монастырей, Успенского монастыря в Тихвине. В виду трапезных алтарей стояли церкви «под колоколы» Болдина, Иосифо-Волоколамского и Ипатьевского монастырей.

Если в древнерусском монастыре трапезная церковь была деревянной, а соборная – каменной, звонницы совмещались с алтарями холодных соборных церквей. Остатки стенной звонницы можно видеть на восточной стене четверика над алтарями Покровской монастырской церкви в Балахне. Следы другой – пристенной – звонницы были зафиксированы в своё время близ алтарного угла Троицкого собора в Калязине. При исследовании Успенского собора в Дмитрове удалось выявить основание совмещенной с папертью древней звонницы. Она имела форму выступающего ризалита и находилась вблизи жертвенника собора на его северо-восточном углу [36].

Древних каменных приходских церквей до нашего времени дошло крайне мало. Подле одной из них – Успенской церкви Гребеневской Божьей Матери в Москве XVI в. существовал придел Дмитрия Солунского с далеко выдвинутой на восток апсидой. Прямо на своде апсиды до 30-х годов нашего века стояла древнейшая из дошедших до нас на Руси восьмигранная шатровая колокольня. Вероятное время ее сооружения конец XVI – самое начало XVII в.

О помещении колоколов за алтарями есть упоминания в источниках. В 1552 г. за алтарями Архангельского собора в Московском Кремле был поставлен на особой звоннице вновь отлитый по указу Ивана Грозного благовестник «Лебедь» (его размеры превышали ширину звонов валового яруса Ивановского столпа, и он не мог быть на него поднят). Большой благовестный колокол стоял за алтарями церкви Николы Зарайского в Коломне в 70-е годы XVI в.

Наиболее простым видом колоколенного устройства для размещения качающихся колоколов является звонница с пролетом между столбами, каменными или деревянными – безразлично. В зависимости от количества очепных колоколов такие звонницы могли делаться в один-три и более пролётов. Судя по изображениям Лицевого летописного свода середины XVI в., этот вид колоколен был на Руси основным. Полное отсутствие археологических памятников за первые четыре столетия, прошедших со времени появления колоколов на Руси, даёт основание предполагать, что ранние колоколенные устройства были преимущественно деревянными. В пользу деревянных конструкций первых колоколен говорят, прежде всего, малые размеры тогдашних колоколов: возведение каменных приспособлений для колоколов в несколько пудов весом едва ли представлялось экономически целесообразным. Простейшим деревянным устройством для подвешивания очепного колокола могли быть два деревянных столба на обвязке с раскосами и кровлей. Стоять подобные звонницы могли на земле возле храма.

Значительно полнее наши сведения о каменных вариантах древнерусских звонниц. На Руси бытовало две разновидности каменных звонниц: стеновидная звонница и звонница на столбах. Различались эти два типа устройством своего основания. В первом случае звоничные пролеты ставились на стену, во втором – зиждились на собственных фундаментах. Чем тяжелее колокола, тем больше технических, экономических и эстетических соображений побуждало ставить все сооружение на отдельном фундаменте. Для более легких колоколов лучше использовать стену. Если колоколов мало и они невелики, – предположим, речь идет о колоколах городского или сельского приходского храмов, – то их проще и дешевле поставить на стену самого храма.

Если колоколов много (а это означает, что среди них есть колокола среднего веса), то все собрание целесообразнее ставить на стену отдельно от церквей, лучше всего – на стену в створе с хозяйственной церковной постройкой, что сообщило бы этой стене необходимую устойчивость. Из сказанного следует, что звонницы на церковных стенах и звонницы на отдельных стенах должны были появиться раньше собственно «колокольниц на столбах».

До нашего времени сохранились, в основном, псковские звонницы. От московских до нас дошли лишь фрагменты оснований. Псковские звонницы и звонницы московские различаются как по материалу, так и по структуре. Псковский строительный материал – известковая плита – не давал псковичам иной возможности, кроме как ставить столбы звонов на сплошную каменную кладку. Все псковские звонницы поставлены или на церковные стены, или на стены церковных палаток. Псковская строительная техника во многом определила и их композиционные особенности. Вследствие выровненности пролётов в рисунке псковских звонниц господствует горизонталь. Украшением их звонов – колоколоприемников – на протяжении нескольких веков служили скругленные углы в

средней трети столба. Этот приём позволял снимать утрированную вытянутость псковских звонов, заключавших в себе обычно два яруса колоколов – очепных и зазвонных.

Материалом московских звонниц был кирпич. Посредством богатой и тонкой его профилировки мастера облагораживали удлиненные пропорции звонов, вводя поярусные членения; тонкие прямоугольного сечения столбы обладали достаточной прочностью, чтобы удерживать меньшие и средние колокола. Единственная целиком сохранившаяся звонница московских мастеров на паперти церкви Иоанна Предтечи в с. Дьякове, построенная в середине XVI в., обладает пирамидальной композицией. Асимметрия двух её основных звонов снимается жестким рисунком острой щипцовой кровли. В центре щипцового фронтона – миниатюрный третий звон. Таким образом, эта московская звонница – двухъярусная и трехпролетная. На стенах и сводах московских приходских церквей встречаются остатки однопролетных звонниц. На храмах с трифолийным завершением можно встретить остатки звонниц, поставленных на угол здания.

Составить представление о времени появления на Руси звонниц на церковных стенах равно трудно и для Пскова, во множестве их сохранившего, и для Москвы, утратившей их почти полностью. По нашим наблюдениям (возможно, не во всем точным), среди существующих псковских звонниц нет ни одной сооруженной ранее XVI в. В памятниках московской архитектуры ранее рубежа XV–XVI вв. звонницы также не встречаются, зато начиная с этого времени небольшие московские церкви ими изобилуют. Имеется единственное датированное свидетельство, говорящее о переносе звона с земли на церковные своды. При перестройке в 1515 в. церкви Рождества Богородицы в Московском кремле, сообщает владимирский летописец, «князь великий Василий Иванович ... петье поставил вверху, а в старой же (церкви) было на земле» [37]. Опираясь на это свидетельство и на вышеперечисленные факты, мы склонны считать временем появления на Руси настенных звонниц конец XV – начало XVI в.

Колокольни на столбах, стоящие на особых фундаментах, возникают примерно в то же самое время, что и настенные звонницы, – в начале XVI в. Их сооружение позволяло размещать большие собрания колоколов при городских соборах и монастырских церквах. Первые колокольни на столбах в целях устойчивости строились преткновенными к стене храма. Такова звонница Троицкого собора в Калязине, относящаяся к началу 20-х годов XVI в., и соединенная с двухъярусной папертью звонница Успенского собора в Дмитрове, возведенная в 10-х годах XVI в.

Самая ранняя из известных звонниц, поставленных на особых фундаментах отдельно от храма, – это знакомая по многочисленным изображениям трёхпролётная трёхъярусная звонница Покровского собора на Рву. Она имела выделенный центр, «фряжскую» обработку фасадов, высокое каменное гульбище и очепную систему звона в большие колокола. Три её верха были шатровыми [38].

Многопролётные звонницы на столбах просуществовали на Руси целое столетие: с начала XVI до начала XVII в. Непосредственно перед польско-литовской интервенцией при Борисе Годунове строительство многопролетных звонниц пережило своего рода расцвет. Русское колокололитейное искусство расцвело в эти годы. Борис Годунов и члены его рода делали вклады в крупные русские монастыри громадными для своего времени благовестниками. Одаривали они большими колоколами и свои вотчинные церкви. Возникали величественные колокольни на столбах, напоминавшие своей архитектурой звонницу Покровского собора на Рву. Для огромных (от 600 до 1000 и свыше пудов) очепных благовестников годуновского времени колокольня на столбах представляла собою идеальную конструкцию, во-первых, благодаря возможности как угодно увеличивать в ширину и высоту столбы звонов, а во-вторых, благодаря возможности применять для звона двусторонние очепы. Вместо столбов теперь выкладывались огромные каменные быки, получавшие согласную с размахом колокола ориентацию.

Колокольни этого времени достигали громадных размеров. Самая большая колокольня – «на трёх столбах» – была построена для годуновских колоколов в Соловецком монастыре. Она стояла в одну линию с Никольской церковью «под колоколы» 1577–1578 гг., вровень с нею. Другая большая колокольня – «о пяти столпех» – была сооружена в Троице-Сергиеве монастыре. Она также служила продолжением церкви «под колоколы» Сошествия Святого духа, возведённой в 1476 г. План этой колокольни, снятый перед её разборкой [39], свидетельствует, что она представляла собой гигантское сооружение. Колокола на годуновских звонницах стояли и висели поярусно. Вверху, согласно описям и иконографии, стояли большие благовестники с очепами, под ними – средние и зазвонные. Кровли этих звонниц устраивались шатровыми, острого «готического» рисунка. Аналогичные завершения имели и современные им звонницы Пскова и Новгорода: пятипролётная Софийская звонница в Новгороде и пятипролётная же звонница Успенского монастыря в Тихвине. Все звонницы годуновского времени, как приложенные, так и отдельные стоящие, обладали симметричной композицией и, как правило, выделенным по ширине и высоте центральным пролетом. Из вотчинных годуновских звонниц до нас дошла только одна – при церкви Преображения в Вяземах. Огромная трехпролётная трёхъярусная звонница сохранилась в Ипатьевском монастыре под Костромой.

Широко распространенные звонницы на столбах существовали на Руси на протяжении столетий. Многопролетная древнерусская звонница была сооружением, способным вместить любое количество колоколов, любого веса, за исключением сверхтяжелых. Никаких специальных причин отказываться от их строительства при сохранении очепного способа звона в большие колокола в самой практике русского звона в этот период не усматривается. Тем не менее, на Руси в XIV, XV и XVI вв. строились колокольни и иного типа. Первыми русскими колокольнями, в обычном смысле этого слова, т.е. сооружениями, несущими на себе все собрание колоколов, были церкви «под колоколы». Генезис этих оригинальных древнерусских сооружений до сих пор не разгадан наукой. Можно только предполагать, опираясь на целый ряд древних известий, что в основе идеи подколоколенного храма лежит общее всем христианским и дохристианским народам представление о магической силе колоколенного звона, связывающего наш мир с загробным. Из этого представления проистекали вера в действие колокольного звона на души умерших людей и привычка видеть в колоколе душеспасительное, очищающее орудие, позволяющее душе не погибнуть вместе с телом, а освободиться от него [40]. Особая погребальная функция церквей «под колоколы» хоть в слабой степени, но прослеживается по источникам [41].

Своим обликом эти первые русские колокольни радикально отличались от колоколен европейских. Европейская колокольня строилась, главным образом, для высокого помещения колоколов [42]. Русская церковь «под колоколы» – прежде всего церковь. Поэтому до начала XVI в. церкви «под колоколы» имели обязательно обличье церквей, в то время как европейские колокольни – это башни разнообразной (преимущественно, квадратной в плане) конфигурации. Непременным атрибутом русской церкви «под колоколы» в первый период её существования были церковная глава «на толстой шее», как говорили тогда, т.е. на барабане.

Типологическим признаком ранних церквей «под колоколы» является особое, в отличие от церквей с колокольнями на стенах, помещение колоколов. Колокола в них не висят и не стоят на церкви, а как бы врезаны в её тело. На церквах «под колоколы» невозможны столбы и пролёты, – в ней для несения колоколов приспособлены сами архитектурные формы. В церкви «под колоколы» звонит не колокольня, а как бы сам храм.

Случай сохранил для нас одну такую церковь, демонстрирующую указанный принцип в наиболее чистом виде. Это – Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря, построенная артелью псковских мастеров в 1476 г. Духовская церковь – изящный одноглавый трёхапсидный храм крестовокупольной конструкции. Архитектурные членения здания, на первый взгляд, ничем не выдают колокольню, между тем его барабан – ложный. Традиционные для московской архитектуры кокошники под барабаном приподняты над постаментом посредством округленных столбов псковского

типа и преобразованы в звоны. В капителях столбов в процессе реставрации памятника были обнаружены следы очепных брусков. Количество звонов – шесть, видимо, по числу имевшихся в монастыре средних благовестных колоколов. Однако общее количество звонов Духовской церкви – восемь. Два небольших зазвонных колокола неподвижно висели под самым куполом в обращенных на запад окнах барабана. Эти два из восьми окон барабана служили звонами, а остальные шесть – слухами. Окна-звоны были выложены в размер зазвонных колоколов. Какой-либо доступ к колоколам на Духовской церкви, как мы уже говорили, отсутствует. Звон во все восемь колоколов, – в шесть очепных и в оба зазвонных, – производился с земли.

Барабан Духовской церкви – не только древнейшая из дошедших до нас звонниц, но и древнейшая из сохранившихся звонниц на круглом основании. Вопреки всему сказанному о принципах устройства древнерусского очепного звона, её звоны-колоколоприёмники унифицированы. Сооружение подобной колокольницы без оригинального замысла, который она призвана воплощать, по-видимому, немыслимо. Очевидно также, что создание звонницы-церкви сделалось возможным исключительно благодаря очепному способу звона. Если бы во времена постройки Духовской церкви доминирующим способом звона был язычный с подъёмом к колоколам, как это вошло в обычай в XVII в., строителям пришлось бы, помимо внутристенной лестницы, устраивать, на церкви специальный чердачный ярус для доступа в барабан, и вся органика древнерусского крестовокупольного храма с закомарами и кокошниками оказалась бы нарушенной.

Перечисленные особенности Духовской церкви заставляют видеть в ней архетип древнерусской церкви «под колоколы» вообще. Историки русской архитектуры не раз высказывали предположение, что первая известная нам по источникам церковь «под колоколы» Ивана Лествичника в Московском Кремле (1329 г.) была устроена аналогичным образом.

То, что в Духовской церкви в качестве звонов использовались кокошники под барабаном, подсказывает другой возможный вариант размещения колоколов в храме – в его закомарах. Ни одного памятника с подобным помещением колоколов ранее первой трети XVI в. до нас не дошло, но мы можем смело допускать их существование в прошлом, опираясь на более поздние образцы.

Размещать очепные колокола в закомарах крестовокупольного храма древние строители могли двумя способами: в стенных нишах со слухами наружу (в случае высокого положения сводов в храме этот вариант представляется более ранним), и в нишах с прорезанной задней стенкой (если церковные своды позади закомар опущены и за ними

имеется чердачное пространство).

Дошедшие до нас храмы относятся ко второму типу. Это – церковь «под колоколы» Архангела Гавриила в Кирилло-Белозерском монастыре и Благовещенская трапезная церковь «под колоколы» в Ферапонтове. Оба храма построены одновременно, в 30-е годы XVI в., как предполагают, ростовскими мастерами. Ктитором обеих подколоколенных церквей был Василий III. Церковь Архангела Гавриила – крестовокупольный храм, Благовещенская – бесстолпная, с полусферическим сводом. В обеих позади обращенных в звоны закомар находятся громадные чердаки, на которые можно попасть по внутристенным лестницам. На те же чердаки открыты прорези-слухи большинства звонов. Отрезанные от церковного четверика карнизами, звоны-закомары этих церквей образуют на фасадах тяжелые аттиковые яруса. Судя по пропорциям звонов, оба храма предназначались для несения весьма тяжелых для своего времени колоколов – до 300 пудов весом (именно этим обстоятельством продиктован отказ от использования под звоны барабанов). К сожалению, специальных устройств для подвески зазвонных колоколов ни на той, ни на другой церкви обнаружено не было. Можно только предполагать, что они висели в одном из звонов вместо очепного колокола, но поскольку ни в одном из звонов доступной исследованию Благовещенской церкви мы не встретили следов заделанных в кладку балок, вопрос этот следует считать открытым.

Однако с увеличением веса колоколов и их количества (а именно в этом заключалась тенденция развития колокольных звонов) строители оказывались перед необходимостью или увеличивать сверх меры ширину церковных прясел (если в качестве звонов использовались закомары), или – также сверх меры – увеличивать диаметр барабана (если для этой цели предполагалось использовать барабан). И то, и другое неизбежно приводило к диспропорциональным изменениям в облике древнерусского храма, к гипертрофии и искажению его облика. Среди сохранившихся древнерусских церквей «под колоколы» три памятника в полной мере демонстрируют те исключительные сложности, с которыми древнерусские зодчие должны были столкнуться, двигаясь в этом направлении.

В Ивановском монастыре в Кириллове в подкровельном пространстве трапезной церкви Сергия «под колоколы» XVI в.) устроено по одному звону на фасад вместо двух – по количеству прясел. Венчали этот одинокий звон три декоративные закомары. Огромный нелепый, полуциркульного очертания звон трапезной церкви, видимо, никогда не использовался по назначению. В придельной церкви «под колоколы» (середина XVI в.) Авраамиево-Богоявленского монастыря прямо на бесстолпном четверике со звонами в древности возвышался непропорционально большой барабан с язычными колоколами. Совершенно необычную форму получила в середине XVII в. бесстолпная церковь «под

колоколы» Алексея Человека Божьего в Спасо-Прилуцком монастыре. В нём, как и в подколоколенной церкви Авраамиева монастыря, барабан со звонами был заложен в створе с четвериком. Однако общие размеры сооружения оказались столь значительными, что зодчие завершили барабан не главою, а шатром. Реконструировать эти несохранившиеся барабан и шатер из-за полного отсутствия аналогов невозможно. По-видимому, шатер Алексеевской церкви был круглым.

В начале XVI в. появляются сооружения совершенно нового типа, способные вместить в себя до полутора десятка больших и средних колоколов – начиная с колокола максимального для своего времени веса в 400–500 пудов 2,5 м в диаметре) – столпообразные церкви «под колоколы».

На рубеже XI–XVI вв. шло грандиозное государственное строительство с участием итальянских мастеров, сопровождавшееся модернизацией строительного дела и усилением формальных исканий. Родоначальником древнерусских столпообразных церквей «под колоколы» стал построенный Боном Фрязиным в 1508 г. храм Ивана Списателя Лествицы в Московском Кремле – знаменитый Иван Великий. Иван Великий – колоссальный трёхъярусный восьмигранный столп с сокращающимися ярусами и крохотной пятилепестковой в плане церковкой внутри [43]. Единственным атрибутом, говорящим, что данное сооружение – церковь, а не что-либо другое, был трактованный в виде церковного барабана короткий восьмигранный третий ярус, наполненный, как и два нижних яруса, колоколами [44]. Этот ярус-барабан завершался великолепным итальянским карнизом под грибовидным куполом и крестом. Его изображениями изобилует Шумиловский том Лицевого летописца.

Ярусная восьмигранная структура этого первого на Руси столпа [45] хорошо отвечала предъявляемым к любому древнерусскому колокольному сооружению требованиям: поярусная развеска очепных язычных колоколов и рассредоточение стременных звонарей. Если при этом учесть, что Иван Великий имел 24 звона, то следует признать, что это было идеальное сооружение, в полной мере отвечающее национальной традиции собирательства колоколов. Построенный итальянским мастером, Иван Великий есть, вместе с тем, произведение русское, отвечающее местным условиям и: уникальному заданию. У нас есть все основания считать, что родина Бона Фрязина, – Италия, – восьмигранных кампанил почти не знала [46].

Как производился звон в «валовые» колокола первого яруса, мы уже сказали. На втором ярусе Ивана Великого стояли «малые валовые», т.е. средние колокола [47]. Звон в них производился, надо полагать прямо с площадки звона. В XVII в. очепы с этих колоколов

были уже сняты, и звонари поднимались к ним, как и к зазвонным третьего яруса, чтобы звонить уже в языки.

Новый тип церкви «под колоколы» вызвал волну подражаний. Начиная с 10-х годов XVI в. церкви «под колоколы» в форме многогранных столпов были построены в Иосифо-Волоколамском, Покровском-Суздальском, Спасо-Евфимьевском, Хутынском, Пешношском, Покровско-Паисиевом монастырях, в Гдове и т.д. Среди этих сооружений преобладали восьмигранники, но бывали и шестигранные (столп в Болдине монастыре), и девятигранные (Спасо-Евфимьевский столп) и даже круглые (церковь Никоны «под колоколы» 1525 г. в Покровско-Паисиевом монастыре под Угличем). Из-за скудости монастырских средств и относительной бедности колокольных собраний столпы эти строились чаще всего без сокращения ярусов, на подклетах, с одним лишь ярусом звона.

Однако два из них, – на Хутыни и в Пешношах, – в подражание Ивану Великому были выстроены с сокращением, но без звона в нижнем ярусе. Весь звон в этих храмах, в том числе и благовестный, был сосредоточен вверху. Столп в Хутынском монастыре до нас не дошёл. Зато в Пешношском столп, за исключением завершения, сохранился относительно хорошо. Он был заложен в меру Ивана Великого, но, естественно, в несколько раз сокращен в высоту. Церковь и церковные паперти на подклетах составляют в нём два нижних яруса. Звон с часами в одной из арок образует последний третий ярус. Под церковью этого столпа – подклет-усыпальница. И хутынский столп, и пешношский были увенчаны поверх кровель церковными главами. Церковные барабаны с главами стояли и на всех остальных столпах.

Поскольку столпы были центричными зданиями, размеры звонов в них делались унифицированными – по размеру самого большого благовестника. Для очепной системы звона в этом заключено большое неудобство. Если непосредственно следующие за большим благовестником колокола еще как-то вписывались в габариты унифицированных звонов, то последние в ряду благовестники из-за своих малых размеров уже никак не могли в них поместиться с соблюдением технологии и эстетики очепного звона, – их пришлось бы насаживать на непропорционально длинную матицу и несоразмерный вал. Стремясь найти выход из этого положения, прибегали к различным хитростям.

Сохранилось дополнительное устройство, придуманное самим создателем столпообразных колокольниц – Боном Фрязиным. В нижнем «валовом» ярусе Ивана Великого имеются нетронутыми два последних в ряду звона – северо-восточный и северный. Оба были застроены церковью Воскресения Христова уже в 1532 г., и звон в

них был тогда-же упразднен. В момент постройки Ивана Великого в них стояли самые малые благовестники в 30 и 20 пудов [48]. Ширина звона «валового» яруса – около 2,75 м, ширина упомянутых колоколов – около 97-81 см. Бон прибег к следующему. Уже после того, как в кладку пилонов были поставлены белокаменные кронштейны под колоколенные гнезда, он приказал заложить в уровне кронштейнов дополнительные консольные рамы из полосового железа с гнездами для колоколенных матиц, сообщив им тот вынос, которого требовала ширина каждого из колоколов . Закладывая рамы, каменщики без всякого сожаления грубо рубили белокаменные кронштейны, но стесывать их не стали. Вероятно, аналогичные устройства были во всех остальных звонах первого яруса Ивана Великого, только делались они с разными выносами, начиная с нулевого – для самого большого благовестника, место которому было отведено в западном звоне [49].

На других наших колокольнях подобные задачи решались иными способами. В двух столпах с особенно широкими пролётами в Пешношском и Болдине монастырях в пилоны звонов были изначально заложены вертикальные дубовые стойки. Эти деревянные закладки позволяли, не искажая архитектуры звонов, при помощи раскосов и деревянных консолей сближать колоколенные гнёзда между собою до нужных размеров.

Довольно скоро, уже через два-три десятилетия после постройки Ивана Великого, колокольня в этих зданиях начинает вытеснять собою церковь. Столпообразные церкви начинают занимать в церковном ансамбле подчиненное положение. С 40-х годов XVI в. их чаще используют в качестве придельных церквей и ставят на папертях возле одного из углов храма. Остатки такой придельной церкви «под колоколы» сохранились на паперти собора Спасо-Прилуцкого монастыря. Круглую придельную церковь «под колоколы» (к сожалению, без древних звонов) можно видеть на юго-восточном углу церкви Никиты Мученика в Новгороде. В 40-е годы XVI в. была построена многогранная трапезная церковь «под колоколы» в Спасо-Каменском монастыре.

Полное замещение церкви колокольнею произошло при строительстве Георгиевской колокольни для церкви Вознесения в Коломенском. Она была сооружена в 1530-е годы в виде круглой столпообразной церкви «под колоколы» с церковной главкой наверху, но без западных дверей и без сводов в первом ярусе. Престола в ней не было, если мы не ошибаемся, вплоть до XVII–XVIII вв., когда к ней была пристроена трапезная и она была освящена в качестве Георгиевской церкви [50].

Георгиевская колокольня – самая ранняя из сохранившихся зданий «чистой»

колоколенной функции. Церкви «под колоколы» сооружают в виде шатровых колоколен, в которых уже практически ничего не оставалось от церквей. Происходило это, как правило, в XVII в. Очепная система звона на столпах с шатровым завершением еще некоторое время сохранялась. Огромная церковь-столп на круглом основании с восьмигранной шатровой колокольней наверху и с очепными колоколами была поставлена в 30-е годы XVII в. на Архиерейском дворе в Суздале. На протяжении XVII – первых годов XVIII в. шатровые столпы строились с выступающими апсидами, однако во всем остальном это были типичные шатровые колокольни: например, колокольня Спасо-Преображенского собора в Нижнем Новгороде и др.

Сооружение в 1508 г. ярусной восьмигранной церкви Ивана Лествичника в Московском кремле было только одним их симптомов тех изменений, которые захватили русскую архитектуру в начале XVI в. На первые годы этого столетия приходится и начало собственно колоколенного строительства, т.е. строительство колоколенных сооружений, полностью лишенных церковных атрибутов. В отличие от церквей «под колоколы», такие первые русские колокольни были карликовыми сооружениями. Строили их поначалу в монастырях и малых пустынях, нигде больше их следов обнаружить пока не удалось. От ранних образцов этих сооружений до нас дошли жалкие остатки. Это были небольшие башни квадратного основания, со звонами-колоколоприёмниками наверху (чаще всего, двойными), с шатровыми каменными или деревянными кровлями без сводчатых перекрытий.

Предшественницами башнеобразных колоколен на русской почве были, по всем признакам, древнерусские каменные часобитни. После звонниц и церквей «под колоколы» часобитня, или часозвоня, есть третий архетип, к которому восходит добрая четверть древнерусских колоколенных сооружений. Появление на Руси часобитен относится к началу XV в., причем уже первые их образцы были, по-видимому, каменными. Строились часобитни для размерения, прежде всего, повседневной церковной службы. Их заказчиками были соборы, архиерейские дворы и монастыри. Первая отмеченная летописью древнерусская часобитня была построена в 1404 г. на дворе великого князя за алтарями домовой церкви Благовещения, где без перерыва шла круглосуточная служба. Усердными строителями часобитен были новгородские архиепископы. От памятников этого времени ничего не сохранилось, и мы лишены возможности проследить эволюцию типа.

Помимо указного круга и часового механизма, часобитню отличает от других колоколенных сооружений наличие гиревого колодца, и как следствие – квадратного основания и четырёхгранного шатра. Присутствие в ярусе звона часового и перечасных колоколов подсказало строителям идею использовать часобитню в качестве колокольни, что и повлекло за собой, в конце концов, перемену основной функции и

перемену названия. После того как часобитня приняла в себя монастырский звон, она стала называться «колокольницей с часами» (буквально «колокольница, а в ней часы»). Однако возобновление их строительства на Руси следует связывать с деятельностью работавших при Иване III и Василии III итальянских зодчих.

Внешнее сходство первых русских колоколен с итальянскими кампанилами и башнями европейского средневековья поразительно. Хотя остатков ранних отдельно стоявших колоколен-кампанил немного, сохранился целый ряд их изображений и множество поздних реплик. Единственная отдельно стоявшая кампанила на квадратном основании сохранилась в Медведевой пустыни под Дмитровом. Она относится к 1549 г., однако верх её сто лет тому назад был перестроен. Непременным атрибутом этой, как и любой другой русской кампанилы, были часы. Колокольни-кампанилы имели по одному-два звона на грань и были покрыты чаще всего четырехгранными шатрами.

Скромность этих сооружений предопределила их судьбу. Все они были разобраны или перестроены до неузнаваемости. Лучше всего сохранились те из них, которые были включены в церковные объёмы, но и они впоследствии подверглись перестройкам. Все обследованные нами остатки древнерусских кампанил с несомненностью указывают, что это были в одно и то же время и колокольни и часобитни. Часы в них стояли или в ярусе звонов, или под ним, или находились в шатре. Четырехгранная форма шатра удобна для помещения в нем часового механизма. Циферблаты выходили в слухи. Часовой бой мог осуществляться как в особый прибойный колокол, так и в большой благовестник (такие случаи много раз фиксируются монастырскими описями). «Перечасье» вызванивали в мелкие перечасные колокола.

Таким образом, первыми русскими колокольнями в собственном смысле слова были старинные русские часобитни с видоизмененной функцией.

Кроме Медведевой пустыни остатки ранних колоколен-часобитен сохранились в Горицком монастыре под Кирилловым (40-е годы XVI в.) и во Владычном монастыре в Серпухове, где над трапезным комплексом возвышается двухшатровая кампанила XVII в., перестроенная из более ранней, относящейся к годуновскому времени. В том же Серпухове в Высоцком монастыре в последние годы раскопаны фундаменты двух по очереди сменивших друг друга кампанил.

Хотя кампанила Медведевой пустыни и не сохранила своих звонов, ее зафиксированное

описями [51] устройство дает основание считать, что основные ее колокола были очепными с очепами наружу, – все её внутреннее пространство занимал гиревой ход внутри деревянного короба. Аналогичное устройство имела и полностью дошедшая до нас колокольня-кампанила Ферапонтова монастыря.

Что касается собственно часобитен, то с появлением колоколен с часобитной функцией они на длительный период времени заняли подчиненное положение в древнерусском церковном ансамбле. Сохранилось множество этих памятников в виде миниатюрных башенок, приделанных и «прилепленных» к церквам «под колоколы» всех модификаций, к звонницам, трапезным, крепостным стенам и башням. Их гиревые ходы или спрятаны внутри стен, или выступают снаружи, как в Пешношском столпе и в несохранившемся столпе в Солотчинском монастыре под Рязанью. «Часы на взрубе» имела уже упоминавшаяся церковь Николы Зарайского «под колоколы» в Коломне.

В середине XVI в. строительство древнерусских церквей вступило в новую фазу, нашедшую своё выражение в сооружении многопридельных храмов на основе свободной композиции – с папертями, ризничными палатками, приделами разнообразных типов, колокольнями и часобитнями возле одного из храмовых углов. Все ранее перечисленные модификации столпообразных церквей «под колоколы» нашли себе место в этих живописных группах объёмов, причём церковь-кампанила становится одним из храмовых приделов. Превращение кампанилы в церковь потребовало полной переработки её верхов. Вместо шатра её теперь увенчивает церковная глава с ярусами кокошников. Одна такая преобразованная из кампанилы церковь «под колоколы» дошла до нас в перестроенном виде. Это придел Иоанна Богослова в Авраамиево-Богоявленском монастыре в Ростове Великом. Четвериковая часть этой бесстолпной церкви представляет собой типичную кампанилу с парными звонами для очепных колоколов. До перестройки памятника в XVIII в. прямо на пилонах звонов стоял огромный, в размер четверика, барабан с язычными колоколами и церковной главой. Переход от четверика к барабану был декорирован ярусами кокошников.

Близкого типа сооружение – кампанила с барабаном и с церковью внутри (в типологическом отношении такой тип может рассматриваться как «барабан на четверике») – сохранилось при трапезной Успенского монастыря в Свияжске (XVI в., к сожалению, её барабан – поздний, до него был обычный тесовый шатер).

В процессе преобразования четырехгранной кампанилы в церковь имели место попытки сохранить четырёхгранную форму её шатра ради выгод часового устройства, заключенных в этой форме. Одна такая поразительная церковь «под колоколы» стояла

на северо-западном углу Благовещенского собора в Сольвычегодске. Сохранился рисунок этой церкви.

В XVII в. на Руси строили даже отдельно стоящие церкви-кампанилы, правда, уже с выносными алтарями (церковь «под колоколы» Калязина монастыря).

Если одни кампанилы были обращены в церкви «под колоколы» и соответствующим образом архитектурно переработаны, то другие, напротив, сохранили свое утилитарное назначение и свой колокольный облик – например, колокольня на паперти церкви Николы Надеина в Ярославле или колокольня Предтеченского монастыря в Свияжске. Самой грандиозной колокольней-кампанилой на Руси была уже упоминавшаяся Филаретова колокольница в Московском кремле.

С развитием колоколенного дела на Руси, т.е. с увеличением веса колоколов и созданием новых видов колоколен, кампанила как тип колокольни утратила свое назначение. В нее, за редким исключением, перестали ставить благовестные колокола, и за нею вновь закрепилась ее первая функция – часобитни. Выдающимся сооружением этого позднего типа была недошедшая до нас «Успенская часозвоня» Троице-Сергиева монастыря начала XVII в. Это была стройная трехъярусная четырехгранная башня с четырехгранным же шатром. Ее указные круги помещались под ярусом звона.

Конец XVII в. ознаменовался строительством гигантских часобитен, которые на какой-то момент сделались доминирующими сооружениями крупных церковных и городских ансамблей. Все они, за немногими исключениями, строятся на основе четырёхгранных кампанил-часобитен. Однако теперь, с изменением масштаба этих сооружений, русские зодчие стремятся усложнять объёмы, прибегая к поярусному построению и вводя завершающие восьмигранники. Заслуживают упоминания три таких высотных часобитни. Первая – это перестроенная в конце XVII в. Каличья воротная башня Троице-Сергиева монастыря, вторая – отдельно стоящая часобитня Ростовского митрополичьего дома и третья – совмещенная с церковью «под колоколы», колокольня-часобитня Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря.

Первые две часобитни, как и Успенская часозвоня, были трёхъярусными. На Каличьей башне в разных ярусах стояли, против обыкновения, не одни, а двое часов (видимо, для летнего и зимнего времени). Образцом для создания этих сооружений послужила надстроенная часобитней еще в начале XVII в. Спасская башня Московского Кремля. В

подражание Спасской и Троицкой башням углы воротной Каличьей башни фланкировались небольшими декоративными башенками. Завершались все три часобитни, как и кремлёвские башни, шатрами. Наиболее сложным сооружением была колокольня-часобитня Ново-Иерусалимского монастыря. В отличие от первых двух часобитен, она была поставлена на двухъярусную кампанилу с очепными колоколами и церковью под колоколы в первом ярусе. Завершалась часобитня удлиненным восьмигранником с часовыми колоколами. На известной гравюре Пикара, изображающей Ново-Иерусалимский монастырь в начале XVIII в., этот восьмигранник был накрыт шатром.

В целом колоколенное строительство в XVII в. развивалось под воздействием двух основных факторов: всеобщего распространения язычного способа звона и появления гигантских колоколов. С переходом к язычному способу звона все типы колоколен, выработанные в предыдущее столетие, продолжают применяться в XVII в. уже как бы по инерции. Собственный вклад этого столетия в типологию древнерусских колоколен невелик. Для звона в языки звонари теперь обязательно поднимаются к колоколам. Излюбленным типом становится центричная площадка под лёгким, прорезанном слухами восьмигранным шатром. Восьмигранная шатровая колокольня – самое значительное художественное достижение этого столетия. Зодчие XVII в. без конца варьируют её силуэт, придумывают для неё все более изысканное декоративное убранство. Однако, за исключением тех немногих случаев, когда колокольня ставится «по-старине» где-нибудь на углу храма, её ставшее едва ли не каноническим местоположение над западным входом в церковь строго по оси здания – маловыразительно.

Для помещения гигантских, непременно язычных колоколов строятся огромные звонницы палатного типа на уширенном основании, лишь отдаленно напоминающие старую становидную звонницу на столбах. В них уже не в пролётах, а строго в центре звонницы, на деревянных станах или балках неподвижно висели огромного веса колокола. Благодаря огромным размерам палатных звонниц появляется возможность устраивать в них церкви «под колоколы», что даёт повод увенчивать их не только шатрами, но и главами. В тех случаях, когда зодчие XVII в. всё же хотели сохранить шатровое завершение, они ставили над звонами уже не шатровые шпилевидные кровли, а дополнительные ажурные восьмерки с шатрами и главками, т.е. надстраивали одну форму другой. Замечательным образцом такой звонницы остается колокольня Саввино-Старожевского монастыря в Звенигороде. Самые известные звонницы палатного типа с главами и церквами – это звонница Успенского собора в Ростове Великом [52], звонницы Борисоглебского монастыря под Ростовом и Воскресенского монастыря в Угличе.

Самой большой звонницей на Руси с тремя звонами и главой «на толстой шее» стала

Большая Успенская звонница, или церковь «под колоколы», Рождества Христова в Московском Кремле, перестроенная из старой церкви того же названия на рубеже 60-х – 70-х годов XVII в. В литературе за этим памятником закрепилось неправильное название «звонницы Петрока Малого» – по имени придворного зодчего («архитектона») Василия III, построившего предыдущую церковь [53].

Большая Успенская звонница была специально сооружена для трех великих благовестников, отлитых первыми царями династии Романовых: колокола «Реута» в 1200 пудов (отлит в 1622 г.), колокола «Вседневного» в 998 пудов (отлит Емельяном Даниловым в 1652 г. с именем «Новый лебедь») и «Нового успенского» колокола в 8000 пудов (более известного как «Царь-колокол», нынешний «Царь-колокол» унаследовал от него своё имя), отлитого по распоряжению Алексея Михайловича в 1654 г. Её центральный звон имел до гибели здания в 1812 г. около 6 м в пролете, что в точности отвечало поперечнику «Нового успенского» колокола). Он был поднят на заготовленное ему место после нескольких неудачных попыток только в ноябре 1678 г. колоколоподъемщиком Иваном и звонил до 1701 г., когда повредился в результате пожара, случившегося в Кремле 19 июня. С самого начала этот «Новый успенский» колокол был язычным.

С перестройкой церкви «под колоколы» Рождества Христова реконструкция Ивановских колоколен Московского кремля в основном закончилась. Кроме шести валовых колоколов Ивана Великого на сводах церкви Рождества Христова и на Филаретовой пристройке стояло четыре огромных благовестника, голоса которых знала вся Москва. Впоследствии, уже при Петре Великом к этим четырем благовестникам прибавился пятый – «Семисотный» или «Петропавловский» колокол, отлитый в 1704 г. и употреблявшийся для благовеста в Великий пост. Он стоял на «Семисотенной» пристройке возле северной стены Филаретовой колокольницы и назывался также «Великопостным». Однако этот колокол появился уже после гибели обоих великих русских благовестников – «Старого успенского» и «Нового успенского» колоколов – и в ансамбле с ними никогда не звучал. Все эти поздние колокола были язычными. Чтобы звонарям было удобнее звонить, для «Реута» и «Вседневного» внутри звонов были выстроены специальные подмости.

Сколь долго просуществовал очепный звон на Иване Великом, и когда были сняты очепы со «Старого успенского» колокола Бориса Годунова, мы, к сожалению, в точности не знаем.

За свою многовековую историю Соборная площадь Московского Кремля видела

практически все типы древнерусских колоколен. Среди них не составляли исключения и часобитни. Однако со времени установки больших государственных часов – сначала на Спасской, а потом на Троицкой и Тайнинской башнях – часомерные устройства кремлёвских соборов утрачивают своё значение. Единственное упоминание о бывших когда-то на Иване Великом часах содержится в «Записной книге облачениям патриарха Никона»: «164-го майя в 15 день на самый праздник Вознесения Господа нашего Иисуса Христа поход великого Государя царя великого князя Алексея Михайловича ... на Швецкого короля. В 10-м часу дня благовест был вестовой на Иване Великом, в среднем поясу всполох в три колокола прибойных, пременяя часы на два, а потом велено благовестить в новой большой колокол и в старой, и в реут, и во вседневной переменяя» [54].

Где могли находиться эти часы, сейчас можно только догадываться. Поскольку для башенных часов нужен гиревой колодец, таковой мог быть устроен только в юго-западной грани второго яруса Ивана Великого, где по какой-то причине отсутствуют окна. Обнаружение следов этого устройства сделало бы картину колокольных звонов на Соборной площади Московского Кремля законченной и полной.

Примечания

[1] Энциклопедический словарь. Т. XV. СПб., 1895. С. 722 («Колокола»).

[2] См., например: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Приложение к журналу «Русский паломник» за 1912 г. СПб., 1912. Вып. IX. С. 1410, «Колокольный звон»; Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. СПб., 1896. С. 13; Оловянишников Н.И. История колоколов и колокололитейное искусство. М., 1912. С. 401, 407–408.

[3] Легенда об отличном от Запада, исконно русском, способе звона не беспочвенна, но ей недостает историзма. Она родилась среди энтузиастов русского колокольного звона в грамотной купеческой, ремесленной и духовной среде и впитала в себя глубокое знание и любовь к предмету. Эта легенда, – вполне, впрочем, обоснованно – пыталась приписать богатый и сложный ритмический рисунок русских колокольных звонов исключительно способу звона в языки, как более живому и гибкому. Однако, несомненно, относительно позднее, не ранее второй половины XVII в., формирование этих звонов. Не последнюю роль в сложении легенды сыграли многочисленные

публикации иностранных источников по России XVII в. предпринятые русскими историками ещё в первой половине XIX в. В своих записках иностранные путешественники отмечали поражавший их воображение способ звона, применявшийся русскими. Почти у каждого автора можно встретить буквально одну и ту же фразу, как бы резюмирующую его наблюдения: «звонят у них [русских] не так, как у нас, раскачивая колокол, но к каждому языку привязана веревка» и т.д. Однако, внимательный читатель может тут же на соседней странице встретить описание и качающегося колокола. Единственный, если мы не ошибаемся, из дореволюционных авторов, знавший историю вопроса, был М.И. Пыляев. В своем очерке, посвященном историческим колоколам (см.: Пыляев М.И. Старое житье. СПб., 1897. С. 298), он говорит о западном способе звона: «некогда он существовал и у нас, как существует ещё в некоторых польских костелах, например, в Киеве». На колокольнях Пскова и Псковской области в конце XIX в. в изобилии стояли качающиеся колокола, правда, звонили в них в большинстве случаев уже в языки. Принято было объяснять это пограничным положением Пскова.

[4] Термин «очап» – значительно реже – «очеп» – встречается, главным образом, в учётной деловой документации XVI–XVII вв., в церковных описях, и писцовых книгах. До начала XX в. эти источники редко привлекались исследователями древнерусского языка. В Материалах для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского слова «очап» нет. В.И. Далю были известны слова «очапить» со значением перетягивать на перевесе, на каком-либо упоре, и слово «очеп» или «оцеп» в значении журава или журавля (перевеса, положенного на веретено для опуска и подъема), применявшегося при колодцах, для раскачивания детских колыбелей и в качестве шлагбаумов. О колоколенных «очапах» или «очепах» В.И. Даль не знал. См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, Т. II. М., 1955. С. 775, 776; Словарь церковно-славянского и русского языка, Т. III. СПб., 1847. С. 144.

[5] ЦГАДА. Ф. 1183. Д. 122. Дело по ремонту колокольни Ивана Великого, 1807 г. Л. 13 об.

[6] Автору совместно с арх. С.А. Гавриловым удалось провести дополнительные исследования колокольни Александровой слободы и уточнить некоторые этапы её строительной истории. Перестроенная (по-видимому, в последней четверти XVI в.) из столпообразной церкви под колоколы Алексея Митрополита 10-х годов XVI в. колокольня Александровой слободы до начала XVIII в. представляла собой весьма сложное сооружение, состоящее из трёх связанных между собою объемов: из колоссального, окруженного аркадой восьмигранного шатрового столпа с церковью; из прямоугольной южной пристройки неизвестного назначения (вероятно, казны) с лестницей и церковной главой над нею; из огромной многопролетной звонницы, примыкавшей к двум названным объёмам в месте их сопряжения с запада. На этой-то

несохранившейся звоннице и стояли благовестные очепные колокола, а средние и зазвонные висели под шатром основного столпа на балках. Среди очепных колоколов находился и пятисотпудовый благовестник архиепископа Пимена, увезённый Иваном Грозным из Новгорода. После разборки звонницы в начале XVIII в. пименовский колокол вместе с валом, на который он был насажен, был поднят на верх шатровой колокольни и установлен под шатром на двух переводных балках в полном соответствии с технологией очепного звона. Гнёзда для его установки и были обнаружены нами при обследовании этих балок. Что касается отсутствия видимой очепной системы на звоннице Дьяковской церкови, то мы не оставляем надежды выяснить природу этого явления посредством более глубоких натурных исследований.

[7] В разных томах Лицевого свода для изображения очепных колоколов применялись разные графические приёмы: колокола московского периода изображались с валами, колокола Твери и Новгорода с очепами, но без валов. По-видимому, эти различия следует объяснять различиями источников, которыми пользовались сводчики, а может быть, и просто различной авторской манерой.

[8] ГИМ. Син. 149. Л. 296, 347.

[9] См.: История Москвы, Т. I. М ., 1952. С. 120.

[10] ГБЛ. Ф. 173.II (МДА, дополн.). Д. 225. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. Л. 269 об.

[11] ЦГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 365. Опись монастырского имущества Иосифо-Волоколамского монастыря (70-е годы XVI в.). Л. 41–51 об.

[12] Георгиевский В.Г. Памятники старинного русского искусства Суздаля. М., 1927. Приложение. Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 7105 (1597 г.); ГБЛ. Ф. 218. Д. 841-1. Опись Покровского монастыря в Суздале начала XVII в. Л. 151.

[13] ГИМ ОПИ, Ф. 61. Д. 113, Опись Спасо-Прилуцкого монастыря 1593 г. Л. 39 об.; Ф.

61. Д. 112, Опись Спасо-Прилуцкого монастыря 1631 г. Л. 84 об.

[14] Вологодские епархиальные ведомости. 1866, № 3–7. Павло-Обнорский монастырь.

[15] ЛОИИ. Ф. 2. Коллекция актовых книг. Д. 128. Книги описные Соловецкого монастыря 7113 г. Л. 108 об.–109.

[16] Известия имп. Археологического общества. 1863. № 1–6. Опись Свияжского Богородицкого мужского монастыря, составленная в 1614 г. С. 579.

[17] ГАКО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 298. Дело об исправлении шатровой колокольни в Ипатьевском монастыре 1851 г. Л. 78 (не сохранилось).

[18] ЧОИДР. 1878. Кн. III–IV. С. 9. Синодик и вкладные книги Махрищского монастыря.

[19] ОР ГПБ. Q.IV.393. Опись Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. Л. 584.

[20] ЦГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 29. Опись церковного имущества Спасо-Евфимьевского монастыря 1660 г. Л. 166–166 об.

[21] Малков Ю.Г. Новые материалы к истории архитектурного ансамбля Псково-Печерского монастыря. Приложение: Опись монастыря 1602–1603 гг. // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1982. С. 79; ОР БАН. Собр. П.Н. Доброхотова. Д. 5. Переписная книга Печерского и приписных монастырей 1642 г. Л. 88, 155, 244 об.

[22] ОР БАН. Арханг. Д. 387. Переписная книга Сийского монастыря 1692 г. Л. 71.

[23] Баженов И.В. Костромской Богоявленский-Анастасиев монастырь. Кострома, 1895. С. 11.

[24] Список с писцовых книг г. Казани с уездом. Казань, 1877. С. 17.

[25] Савваитов П. Строгановские вклады в сольвычегодский Благовещенский собор. СПб., 1886. С. 24.

[26] Иванчин-Писарев Н.Д. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря. М., 1850. С. 30.

[27] Русская историческая библиотека. Л., 1924. Т. XXXVII. Приходно-расходные книги Болдина монастыря. С. 73.

[28] Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Кн. I. Вып. II. М., 1883. С. 507, 511.

[29] Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 155–156.

[30] Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. 3. М., 1898. С. 109–110.

[31] За исключением некоторых звонниц Псковщины, где благодаря связи звонницы с церковной палаткой появлялась техническая возможность устроить лаз для профилактического осмотра и ремонта колоколов.

[32] Первый, весом в 450, второй – в 500 пудов. Зная вес колокола, можно по колокололитейным таблицам определить его поперечник, высоту и вес языка. См.: Оловянишников Н.И. История колоколов и колокололитейное искусство. М., 1912. С. 417–419.

[33] ГИМ Син. 149. Л. 68 об.

[34] Русская историческая библиотека. Т. III. СПб., 1876. С. 11.

[35] Павел Алеппский. Путешествие ... С. 114.

[36] Исследование архитектора С.А. Гаврилова.

[37] ПСРЛ. М., 1956. Т. XXX.Владимирский летописец.С. 142.

[38] Трёхчастные шатровые верхи были распространены в архитектуре Московской Руси чрезвычайно широко. На три шатра была покрыта однопролетная всполошная звонница Пятницкой башни Коломенского кремля.

[39] ЦГАДА. Ф. 248. Опись графических материалов Сената XVIII – начала XIX в. Д. 212.

[40] В основе верований, связанных с колоколами и колокольным звоном, лежат доисторические (языческие, дохристианские) погребальные шумовые обряды, выкликания мёртвых, так называемое «бужение», все виды помина. В христианскую эпоху колоколу приписывалась способность «вызванивать души из ада». Вопросы «колоколенной мифологии» в своих работах затрагивали Н.И. Оловянишников (указ. соч.), неизвестный автор статьи «О колоколах и колокольном искусстве» в «Московских губернских ведомостях» за 1850 г., № 49 и др.; о шумовых обрядах при погребении особенно см.: Зеленин Д.И. Очерки русской мифологии. Пг., 1918. В работах названных авторов читатель найдет обширную литературу по этому вопросу.

[41] На связь древнерусских церквей под колоколы с погребальным культом указывают факты использования монастырских подколоколенных церквей в недавнем прошлом для поставления и отпевания рядовой братии и вкладчиков. К сожалению, все известные нам случаи такого использования относятся к XVIII–XIX вв., но в этом следует видеть старую традицию. Наиболее ранним примером остается известный из летописей факт переноса в 1472 г. гробов русских митрополитов из предназначенного к разборке старого Успенского собора в Московском Кремле в церковь «под колоколы» Ивана Списателя Лествицы – на время, до завершения строительства нового собора. Известен случай из истории Великого Новгорода; когда в XVII в. в течение одиннадцати недель не погребали умершего новгородского митрополита Афонию, его тело стояло в церкви «под колоколы» Григория Великия Армении в Спасо-Хутынском монастыре. Подобные примеры, вероятно, можно умножить. Замечательный факт из области колоколенной символики был обнаружен в своё время архивистами в. и Г. Холмогоровыми и И.Б. Забелиным в делах Патриаршего Дворцового приказа: в 1640 г., после церемонии погребения патриарха Иоасафа I в московском Успенском соборе, деревянный гроб, в котором тело патриарха несли в церковь с тем, чтобы там переложить его в каменный гроб, был отнесен на Филаретову колокольницу и поставлен под «Большой Успенский» колокол – очевидно, для «очищения» его колокольным звоном. Поразительный обычай «опевания» пустого гроба в той или иной форме существовал у многих народов.

На погребальное назначение церквей «под колоколы» указывает, с нашей точки зрения, сама история их появления в древнерусских монастырях. На протяжении XV–XVI вв. все большие русские монастыри поставили у себя такие церкви. Монастыри шли на расходы по строительству этих «ненужных» им церквей, надо полагать, неспроста. Как известно, в рассматриваемый период в среде служилых вотчинников входит в обычай погребения в монастырях за вклады – земельные и денежные. Вклады давались одновременно на погребение и на помин души вкладчика и его предков. В результате этого процесса некоторые монастыри в несколько десятков раз увеличили свой земельный фонд и накопили огромные денежные средства. Со своей стороны, монастыри должны были принять и предать земле тело, расписать имена умерших и их предков по синодикам, помяникам и кормовым книгам для вечного их поминовения, отслужить все положенные службы. В этой обстановке, – поскольку в основных монастырских церквах служба шла круглосуточно, а придельные были малы и тесны, – поздно или рано должна была появиться потребность в ещё одной, особой церкви, где можно было бы одновременно и отпевать, и благовестить о погребении, и служить громоздкие сорокадневные заупокойные обедни с панихидами («сорокоусты»). Таким погребальным и поминальным по сути своей сооружением часовней, церковью и колокольней в одно и то же время и должка была стать церковь «под колоколы».

[42] Связь европейской колокольни (в частности, католической) с погребальным

обрядом, несомненно, имеет место, однако специально этим вопросом мы не занимались.

[43] Пятилепестковая структура этой церкви образовалась в результате отъятия у идеального восьмилепесткового плана трёх западных экседр, на месте которых Бон поместил две внутристенные лестницы и паперть.

[44] Черный В.Д. Архитектурные сооружения Московского Кремля в Лицевом летописном своде XVI века // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М ., 1980. Т. III.С. 25.

[45] В литературе можно встретить мнение, что на Руси существовала более ранняя столпообразная каменная церковь-колокольня – церковь Одигитрии в Иосифо-Волоколамском монастыре (см.: История русского искусства. М., 1955. Т. III. С. 316). Постройку этой столпной церкви исследователи относят к 90-м годам XV в. Это ошибка. Во всех основных редакциях Жития Иосифа Волоцкого, в том числе той, которая принадлежит его племяннику и сподвижнику Досифею Топрокову, точно указано, когда именно была построена церковь Одигитрии: после завершения строительства монастырской трапезной, т.е. после 1511 г. О той же дате говорят и формы древних ярусов Иосифо-Волоколамского столпа, взорванного в 1941 г.

[46] В литературе, посвященной архитектуре итальянских провинций, нам удалось обнаружить только две восьмигранных кампанилы. Одна – в стиле северной итальянской готики – находится в Ареццо, другая – конца XIII в. – в Гаргано. Кампанила церкви Сан-Микеле в Гаргано, многоярусное сооружение с ордерной обработкой фасадов, выстроена без сокращения ярусов. Колоколен с сокращающимися ярусами итальянцы, по-видимому, вообще не строили.

[47] См.: Истомин Г. Ивановская колокольня в Москве. М., 1893. С. 34.

[48] Определено по колокололитейной таблице из кн.: Оловянишников Н.И. История колоколов ...

[49] Между 1508 и 1532 гг. оба колокола были перелиты с увеличением веса: и в том, и в другом звоне одна из рам отрублена. Вместо неё, по-видимому, ставилась деревянная опора, т.е. гнезда раздвигались.

[50] См.: Гра М., Жиромский В. Коломенское. М., 1971. С. 112.

[51] ЦГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 492. Л. 14 об.

[52] О существовании в среднем ярусе Успенской звонницы Входоиерусалимской церкви «под колоколы» см.: Баниге В.С, Брюсова В.Г., Гнедовский В.В., Щапов М.В. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957. С. 56.

[53] Отождествление церкви 1532 г. с тем огромным зданием, которое в 1812 г. было взорвано по приказанию Наполеона, основано на недоразумении. Построенная Петроком Малым церковь (она была первоначально посвящена Воскресению Христову) была небольшим изящным храмиком, покрытым ярусами кокошников уникального для древнерусской архитектуры трифолийного очертания и окруженным столь же великолепными килевидного рисунка арочными папертями. Реконструировавший Спасскую башню, Христофор Галовей заимствовал мотив арочных папертей у Петрока Малого. Не исключено, что церковь Рождества Христова была бесстолпной. Церковью «под колоколы» в первый период своего существования она, совершенно очевидно, не была и колоколов на себе не имела. Выбор места для её строительства возле Ивана Великого был вызван другими причинами: в её двухъярусных подклетах помещалась митрополичья казна и ризница. Обычай хранить казну вблизи колоколов столь же древен, сколь и вышеописанные связанные с колоколами погребальные обычаи и верования. Церковь Рождества впервые стала церковью «под колоколы», как считается, при первых Романовых, но когда точно, мы не знаем. В самых ранних документах XVII в. она уже зовется «под колоколы», однако, как видно из многих изображений этой церкви, колокола стоят на её папертях и сводах в полном противоречии с её архитектурой. Последнее из имеющихся изображений церкви Рождества Христова – в альбоме Мейерберга, – самое реалистическое и самое точное, не оставляющее сомнений относительно причин её перестройки, – она перегружена гигантскими благовестными колоколами сверх всякой меры. Оба романовских колокола, – «Реут» и «Новый Лебедь», – не соразмерны ей и её подавляют. Но главной причиной её перестройки стало, несомненно, отлитие в 1654 г. нового «Царя-колокола», для которого на церкви Рождества уже не было места. При перестройке церкви Рождества ее относящийся к 1532 г. двухъярусный подклет был сохранен. Время перестройки мы устанавливаем на основании рисунка Сторна из альбома Мейерберга (1667 г.) и

временем первого – неудачного – подъёма на неё «Царя-колокола» (1674 г.) (см. ОР ГБЛ. Ф. 67. 29 корб. № 57. Л. 4).

[54] Голубцов А.И. Чиновники московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908. С. 259.

В.В. Кавельмахер

Способы колокольного звона и древнерусские колокольни

// Колокола: История и современность. М., 1985. С. 39–78